

щины»), либо как символ (скорее всего, означает черный цвет): «синее вино», «синяя мгла» «Слова». О «синих молниях» см. выше.

Зеленый. Конкретная характеристика, уже не осознаваемая, поскольку входит во фразеологизм — как в «Слове» (канина зелена — если интерпретировать этот гапакс как «ковыла», зелена трава, зелена древа), так и в «Задонщине» (ковыла, мурава).

Золотой и злаченый (золоченый), как правило, не выступают в роли колористического определения. В обоих памятниках они усваиваются князю или дружине, причем и в переносном значении («злато слово», возможно и «седло злато»). Лишь однажды в «Слове» прилагательное «златой» (правда, в сложном слове) выполняет роль цветовой характеристики — также «переживания» (см. выше).

Этим я ограничиваю сравнительный анализ колористики «Слова о полку Игореве» и «Задонщины». Как мне кажется, не будет натяжкой считать цветовую гамму «Слова» несколько более разнообразной и архаичной. Не подлежит сомнению, что сама возможность столь широкого использования цвета в «Слове о полку Игореве» проистекает, во-первых, от его близости к устному народному творчеству (значит, относительной свободы от чисто книжной традиции) и, во-вторых, от «живописного» задания. Конечно, трудно согласиться с Р. Поджиоли, который пишет о «сверкающих и полных жизни, блестящих и ярких красках», о «драматической функции» полихронии, о «гиперболическом сосредоточении цвета» в этом памятнике, проводит параллели с византийской мозаикой и живописью:³⁷ он не учитывает метафорического значения колористических терминов, не замечает, что в «Слове» столь часты фразеологизмы, где цвет имеет пережиточное значение, где он уже «не цвет». Тем не менее обильное сравнительно с другими памятниками древнерусских литератур использование конкретных характеристик лишний раз говорит о незаурядности «Слова».

Что касается «Задонщины», то закономерности употребления в ней цветowych терминов полностью объясняются аналогичными явлениями «Слова». Не только в номенклатуре и шкале цветов, но и в функциональном их использовании «Задонщина» беднее своего гениального образца. Однако — кто знает — если бы «Задонщины» не существовало вообще, цветowe «излишества» «Слова» могли бы стать очередным аргументом в устах скептиков.

Проблема колористики в средневековом словесном искусстве славян ждет своего исследователя. Ее изучение могло бы составить одну из глав исторической поэтики. Разумеется, изучение это должно осуществляться с учетом различных аспектов: следует широко привлечь живопись, проанализировать границы влияния переводной письменности и фольклора, провести статистическое обследование обширного письменного материала, учесть эстетические требования отдельных литературных жанров, историческую изменчивость стилей и т. д. Если эта статья привлечет внимание специалистов к проблеме колористики, я буду считать свою задачу выполненной.

³⁷ См.: Cantare della gesta d'Igor a cura di R. Poggioli. Torino, 1954, стр. 71—73.